

ПРОЕКТЫ В.Н. ТАТИЩЕВА ПО СОСТАВЛЕНИЮ ЯЗЫКОВЫХ ЛЕКСИКОНОВ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ В 1730-е гг.

В первой трети XVIII в. в связи с расширением связей с Европой, поступлением литературы на иностранных языках, открытием иноязычных школ в России появились первые лексиконы иностранных языков. Свой вклад в составление языковых лексиконов внес и выдающийся ученый России В. Н. Татищев. Он – автор первого российского энциклопедического словаря, сборника русских пословиц, который он завершил на Урале и в феврале 1736 г. отправил в Академию наук. В 1739 г. Татищев переслал в Академию «Лексикон, сочиненный для приписывания иноязычных слов обретающихся в России народов» с просьбой отпечатать тысячу экземпляров и разослать на места для приписывания иноязычных слов. В нем 5000 русских слов, к которым надо было приписывать слова других языков. Этот словник был опубликован А. П. Аверьяновой в 1957 г. Она же опубликовала и другой русский лексикон, доведенный до слова «Трус» и содержащий 16300 слов¹, составителем которого, по ее мнению, был также Татищев.

Во время руководства казенными заводами Урала и Сибири (1734–1739 гг.) Татищев задумал составить несколько языковых лексиконов. В ГАСО нами выявлен ряд новых документов, проливающих свет на эту работу и позволяющих говорить о широких планах Татищева в отношении составления словарей, в том числе и неизвестных до настоящего времени.

Основную работу по составлению словарей вел учитель латинской школы Екатеринбургга Кириаки Кондратович. Параллельно с обучением школьников он переводил книги, необходимые Татищеву для работы над «Историей Российской»², писал грамматику латинского языка и по заданию Татищева составлял русско-латинский лексикон. Члены Канцелярии Главного заводов правления узнали об этом в июле 1736 г. Вызванный в Канцелярию в связи с попыткой канцеляриста Аистова забрать сына от переписки переведенных Кондратовичем книг, последний в сказке сообщил: указом Татищева *«учинен мне словесный собирать руский лексикон, хотя и ученикам приказывая списывать по очереди, отчего ученикам учиться в науке остановка, а я обязан не токмо школоу, но и собраниям библийных имен, которые надобно собирать около года ради трудности сыскания их (здесь и далее текст в цитатах выделяется нами. – А. С.), и сам оногo лексикона собирать времени не имею, а оба определенныя ... по очереди собирают, а в другой день учатся латинской грамматике, ибо уже оба по латини писать изучились от мене нарочно ради собрания руско-латинского лексикона, но и так, по разчету, лексикона печатнаго двум копейстам придет писать и собирать лексикон целые два года»*³.

Сказка Кондратовича – прямое подтверждение тому, что русско-латинский лексикон стал составляться по личной инициативе Татищева. Работа над ним

летом 1736 г. шла полным ходом с привлечением переписчиков черновых экземпляров переведенных книг – сына канцеляриста Семена Аистова и сына подьячего Арамильской земской конторы Мартына Юрьева. Кондратович поначалу только руководил работой, сам же вплотную занимался подбором имен, упоминавшихся в Библии. Татищев через Академию наук рассчитывал этот лексикон опубликовать.

Поскольку на работу по собиранию библейских имен Кондратович рассчитывал потратить год, речь шла не просто о составлении их перечня, а о написании справки на каждое из них. Так мы получаем попутную информацию о поручении, которое могло исходить только от Татищева, опять же — напрямую, минуя Канцелярию. Об этой задумке Татищева ничего не известно в литературе, и данные об этом впервые вводятся в научный оборот. Возьмем на себя смелость предположить, что в Екатеринбурге силами Кондратовича Татищев задумал подготовить еще один небольшой словарь для лучшего постижения Библии, для распространения знания о святых, об их жизни и деяниях. Этот словарь, по замыслу Татищева, должен был стать не только пособием для лучшего усвоения Библии, но одновременно и своеобразным нравственным руководством для подрастающего поколения. В прошении, отправленном в июне 1737 г. в Академию наук, по поводу выдачи обещанного награждения за переводческую деятельность Кондратович упомянул: «собрал я различные лексиконы ... и *большой лексикон русско-латинский и вместе сводил с лексиконом г-на ректора Штермера*»⁴. Ясно, что готовился и русско-немецкий словарь, который составлял ректор немецкой школы Бернгард Штермер.

К составлению языковых лексиконов с привлечением учителей и школьников Татищев прибег впоследствии и в Самаре, где основал татарско-калмыцкую школу, при которой, по его указаниям, начали переводить книги с восточных языков на русский и составлять татарско-калмыцкий словарь⁵.

В октябре 1738 г. Татищев в письме Кондратовичу велел, «ради просмотра», прислать в Самару первую часть лексикона на букву «А». Об этом мы узнаем из доношения Кондратовича в Канцелярию. Чтобы «двойного труда не было, если его превосходительство иным образом сочинять приказать изволит», Кондратович представил «десять черную» (первых 24 листа)⁶. Из этого документа узнаем и о большом объеме задуманного словаря: только на букву «А» Кондратович потребовал стопу бумаги (480 листов), а на весь словарь ему надо было бумаги более 50 стоп.

Первый опыт Кондратовича по составлению словаря Татищев одобрил, в указе уральскому начальству 23 ноября 1738 г. он писал из Самары: «Присланная десять первой буквы, написанная Кондратовичем из лексикона, есть труда довольного и государству не бесполезное. Того ради велеть ему, Кондратовичу, в том с прилежностью трудиться, бумагу же по его требованию давать из Канцелярии, на черное – плохую, а начисто – добрую, сколько потребно, и по приему оную счислять, ибо она употребляется в пользу государственную. Оной же Кондратович пишет, что в том

помоществует ему пастор и другие, и оным объявить, что на труд их достойное награждение дано будет»⁷.

Из этого указа Татищева мы узнаем еще об одном участнике работы: немце Лаврентии Сехтинге, служившем по контракту учителем латинской школы и одновременно пастором, кроме того, выполнявшем роль библиотекаря книжного собрания горного ведомства, в которое в июне 1737 г. вошла и личная библиотека Татищева.

Более месяца Татищев держал у себя начальную часть лексикона, вероятно, приказал переписать ее набело и 28 декабря 1738 г. отправил в Академию наук, сопроводив такой промеморией: *«Велел я Кондратовичю сочинять универсальный латино-русско-немецкой лексикон, и онаго сочинения он, Кондратович, прислал первой буквы начало, которое в императорскую Академию наук посылаю при сем для рассмотрения. И императорская Академия наук благоволит учинить о том по е. и. в. указу»*⁸. Работа предстояла грандиозная, видимо, поэтому Татищев решил заручиться мнением Академии, чтобы не выполнять ее вхолостую. Он уже столкнулся с отрицательным отношением академиков к своему «Общему географическому описанию всея Сибири». Заметим, Татищев сам подтвердил, что поручил всю работу Кондратовичу, хотя тот и не знал немецкого языка.

Обратим внимание, Кондратович в 1736 г. вел речь о составлении лексикона русского, в 1737-м — русско-латино-немецкого; Татищев же в 1738 г. пишет о латино-русско-немецком словаре. Кондратович не мог ошибиться в названии словарей: при его дотошности это категорически исключалось, и как автор он не мог латино-русский словарь назвать русско-латинским. Не мог оговориться и Татищев. Остается предположить, что в Екатеринбурге по заданию Татищева составлялись оба языковых словаря.

Поначалу Татищев задумал составить русский словник, им начали заниматься ученики латинской школы, переписчики переводов Кондратовича под его контролем, затем к этому словнику подбирались слова из латинского и немецкого языков. Эту работу осуществляли Кондратович и ректор немецкой школы Бернгард Штермер. Работа над его составлением пресеклась, видимо, в 1738 г. Кондратович противопоставил объемы языковых словарей: «собрал ... различные лексиконы ... и больший лексикон русско-латинский».

Татищев в одном из писем из Самары отдал распоряжение Кондратовичу начать составлять другой словарь — латино-русско-немецкий. Именно поэтому осенью 1738 г. были готовы только первые его начала, с которыми ознакомился Татищев и решил ознакомить Академию наук.

За основу такого словаря можно было взять солидные западноевропейские издания латино-немецких словарей, подбирать к ним русские термины, и таким образом вести работу более быстрыми темпами. Такие словари имелись в Екатеринбургской библиотеке горного ведомства. В 1734 г., еще по пути на Урал, Татищев передал в пользу будущей библиотеки двухтомный латино-немецкий словарь немецкого ученого Б. Фабера (1520–1570) «*Thesaurus Eruditionis Scholasticae*» (Лейпциг, 1726). Первый том, судя по описанию, имеющемуся в электронных каталогах библиотек Германии, имел

1692 страницы, второй – 1204 страницы при формате издания «в двойку». Кондратович мог воспользоваться и трехязычным лексиконом, составленным ректором гимназии в Готе А. Рейхером (1601–1673) «Theatrum Latino-Germanico-Graecum» (Лейпциг, 1721).

Установить начало работе над новым словарем помогает рапорт библиотекаря Сехтинга 1740 г. о должниках, взявших книги из Екатеринбургской библиотеки и не возвращавших их, несмотря на его требования. В отношении Кондратовича указано: 5 апреля 1738 г. взял «Фабрия Лексикон на латынском языке, 1 и 2 том, в лист», «Юнкари Лексикон греческой и латинской». Это и есть словари Б. Фабера и А. Рейхера. Последний в каталоге екатеринбургской библиотеки Татищева, ставшей с июня 1737 г. собственностью казны, зарегистрирован как «Lexicon Reyhero Jurikerianum lat: Groeco It germ.». На наш взгляд, поводом обращения Кондратовича к этим словарям стала установка Татищева на составление нового варианта словаря.

Получив начало лексикона на букву «А», Татищев изменил свои планы и в отношении библейских имен: он решил включить их в этот языковый лексикон. В связи с этим Кондратович запросил в Канцелярии «двенатцать месяцев Прологи»⁹. В письме И.Д. Шумахеру 3 января 1739 г. Татищев сделал такую приписку: «Р. S. Сейчас получил я письмо от Кондратовича о лексиконе им сочиняемом, которое он на мое ему предложение отвечал, оное при сем послал»¹⁰. Ясно, что Татищев согласовал свое предложение с Кондратовичем, и тот сразу же приступил к его выполнению.

Кондратович решил углубить характеристику имен святых, начатую ранее. Поэтому он запросил Прологи (собрание житийных и нравоучительных статей), приобретенные в Москве в 1735 г. по поручению Татищева¹¹. Не случайно в октябре 1739 г. Кондратович включил в список заказываемых для латинской школы книг и такое издание: «Етимология латинская печатная собственных библийных имен». Она была призвана помочь в характеристике имен святых, включаемых в лексикон¹².

Академия наук отреагировала на присланное начало лексикона уже после отставки Татищева с поста начальника заводов и начала следствия над ним. Об этом мы узнаем из доношения Кондратовича, поданного 3 ноября 1739 г. в Канцелярию: 28 октября он получил письмо от президента Академии Корфа, копию которого приложил к своему доношению. Корф писал: «Получены в Академию наук от тайного советника господина Татищева первоначальные пробы универсального лексикона ваших трудов, и оные в Академии наук свидетельствованы, которые вам одному в совершенство привести не без труда, того ради оной лексикон ко окончанию приводить не извольте...»¹³ Ясно, что члены Академии усомнились в возможности подготовить в далекой провинции латино-русско-немецкий словарь силами учителей иноязычных школ.

Отказ Академии наук от услуг Кондратовича в подготовке лексикона наверняка выбил его из привычной рабочей колеи: старания его оказались напрасными, обидно было за впустую потраченные усилия, за так и не

оцененные по-настоящему переводы книг. Через неделю, 3 ноября 1739 г., он просил Канцелярию «определенных копейщиков взять до присылки переводных книг из Санктпетербургской Академии наук, чтоб они все при мне не были», при этом напоминая: «хотя я за перевод Кромеров и получил сто рублей в награждение, но после того перевел я Гельмольда, Арнольда, Далева оракулы и грамматику латино-русскую с синтаксисом и прозодиею, и за оные переводы мне никакова награждения не учинено»¹⁴.

Кондратович соглашался продолжить переводческую деятельность при условии, если Академия наук за прежние его труды воздаст «подобающее награждение». При этом он просил Канцелярию вернуть из Академии и листы «с первоначальными моими пробами универсального моего лексикона». Кондратович поступил весьма опрометчиво, отправив Татищеву свой единственный черновой вариант и не оставив копии. Но это вполне объяснимо: казенная бумага подлежала учету, а сам он спешил выполнить приказ начальника казенных заводов.

По поручению Татищева в Екатеринбурге Кондратович занимался также составлением целого ряда других лексиконов. В прошении о награждении, поданном в июне 1737 г. в Академию наук, он отмечал: «собрал я различные лексиконы с российским: татарский, чувашский, черемисский, вотяцкий, вагулицкий...»¹⁵. В следующем прошении от 22 июня 1739 г., поданном в Академию наук, он называет дополнительно и остяцко-русский словарь¹⁶.

Примечания:

¹ Аверьянова А.П. Рукописный лексикон Татищева // Очерки и исследования по истории языка: Сб. статей. Л., 1957 (Уч. зап. ЛГУ. Серия филол. наук. Вып. 23. № 197). С. 25–83; Рукописный лексикон первой половины XVIII века / Подготовка к печати и вступит. статья А.П. Аверьяновой. Л., 1964.

² Сафронова А.М. Переводы источников для «Истории Российской» В.Н. Татищева учителем Екатеринбургской латинской школы К.А. Кондратовичем (1734–1738 гг. // Документ. Архив. История. Современность: материалы науч.-практич. конф. Екатеринбург, 2000. С. 60–68.

³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 107 об.–108.

⁴ Материалы для истории императорской Академии наук. СПб., 1886. Т. 3. С. 418.

⁵ Пекарский П.П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867. С. 9.

⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 762. Л. 311.

⁷ Там же. Л. 770.

⁸ Татищев В.Н. Записки. Письма. М., 1990. С. 271.

⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 820. Л. 23.

¹⁰ Татищев В.Н. Указ. соч. С. 273.

¹¹ См. об этом: Белобородов С.А., Сафронова А.М. В.Н. Татищев как заказчик литературы для екатеринбургского духовенства и горнозаводских школ (1735 г.) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2004. С. 113–114.

¹² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 820. Л. 158.

¹³ Там же. Л. 849.

¹⁴ Там же. Л. 847–849.

¹⁵ Материалы для истории... Т. 3. С. 418.

¹⁶ Там же. Т. 4. С. 131–132.